

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литература о Берви очень велика, но специально этой книге посвящено всего одно исследование: *Зиновьева М. Д.* Роман В. В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» // Русская литература. 1967. № 3. С. 174–183. К сожалению, автор скована советским («марксистским») мировоззрением.

² *Берви-Флеровский В. В.* На жизнь и смерть: Изображение идеалистов. Женева, 1877. Ч. 1. С. 40. Роман состоит из трех частей, пагинация

в каждой части отдельная. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием части и страницы арабскими цифрами.

³ *Подоров Г.* Жизнь и творчество В. В. Берви-Флеровского // *Берви-Флеровский В. В.* Избранные экономические произведения: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 16–17.

⁴ Цит. по кн.: *Аптекман О. В.* Василий Васильевич Берви-Флеровский: По материалам б. III Отделения и Д.Г.П. Л., 1925. С. 146.

В. Н. Гинев

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ? СПОР БЫВШЕГО НАРОДОВОЛЬЦА ЛЬВА ТИХОМИРОВА С ВЕТЕРАНОМ НАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПЕТРОМ ЛАВРОВЫМ¹

В августе 1888 г. в Париже вышла из печати брошюра «Почему я перестал быть революционером», вызвавшая большой шок в среде российских революционных эмигрантов и одновременно большое удовлетворение во властных структурах России. И неудивительно. Ведь ее автором был один из руководителей легендарной «Народной воли», бывший член ее Исполнительного комитета Лев Александрович Тихомиров, находившийся с лета 1882 г. в эмиграции.

В первых же строках своего откровения Л. А. Тихомиров заявлял, что его «скептицизм в отношении различных основ нашего революционного мирозерцания <...> пробудился уже давно» и решение перестать быть революционером вызревало у него несколько лет. Первые признаки «скептицизма» он находил у себя, правда задним числом, чуть ли не с конца 1880 г. Его отход от активной революционной деятельности усиливался по мере нарастания неудач «Народной воли» после 1 марта 1881 г. В итоге за границу в 1882 г. он уехал, хотя и «с согласия товарищей, но без всяких поручений и вообще совершенно свободный».² Некоторые обстоятельства, о которых Тихомиров рассказал в своих воспоминаниях, писавшихся во второй половине 1890-х гг. уже после возвращения в Россию, вернули его на несколько лет в деятельную эмигрантскую среду в связи с изданием заграничного «Вестника Народной воли», но известия о частых провалах в Петербурге и провинции, особенно после ареста Г. Лопатина в октябре 1884 г., возобновили и усилили его сомнения в достижении позитивных перемен в России революционным путем и ускорили коренной пересмотр прежних взглядов.

Доказывая, что это произошло не вдруг, Тихомиров привел в брошюре выдержку из своего дневника за март 1886 г.: «Я окончательно убедился, что революционная Россия,

в смысле серьезной сознательной силы — не существует».³ Эта запись, датированная 8 марта 1886 г., действительно есть в дневнике (часть дневника Тихомирова вперемешку с отдельными главами его позднейших воспоминаний Центрархив опубликовал в 1927 г.). Последующие приезды революционеров из России, так же как все, что приходилось узнавать о России, постоянно еще более подтверждали это убеждение. «Революционеры есть, они шевелятся и будут шевелиться, но это не буря, а рябь на поверхности моря. Народ страшно измельчал, они способны только рабски повторять примеры былых героев <...> Конечно, это не мешает им быть хорошими людьми, но этого в политике мало».⁴

По предыдущим и последующим записям в дневнике прослеживается настроение Тихомирова за несколько лет до его публичного отречения от революции.

Декабрьская запись 1884 г.: у Лопатина «попалась, пишут, масса адресов <...> Что делать? Голова трещит, жизненная сила тухнет в организме. Неужели конец <...> И если нет, где же то новое, живое, которое может принести победу?».⁵

За 1885 г. в дневнике всего четыре записи, Тихомиров объяснял это погруженностью в работу над книгой «*La Russie politique et sociale*» — в случае ее успеха он надеялся приобрести определенное общественное положение во Франции. Записи 1885 г. не дают сведений о настроении Тихомирова, но уже первая запись 1886 г., от 8 марта, приведенная выше, содержит глубоко пессимистическую оценку состояния революционных сил в России. В том же духе и запись 4 августа того же года. Из России приехал «поговорить о своих делах» «очень милый юноша». Тихомиров ему «советовал вести культурную работу, оставивши террор, который только их сбивает с толку». Здесь же резюме: «...по-видимому, партия Н.В. совершенно разбита». Характерен для Тихомирова этого периода его отклик на так называемое второе первое марта — попытку покушения на Александра III членов группы Александра Ульянова 1 марта 1887 г.: «В газетах известия о покушении 1/14 марта против царя <...> жаль, что революционеры тратят на это силы».⁶

В сентябре 1887 г. у Тихомирова состоялся принципиальный разговор со старым соратником по Исполнительному комитету «Народной воли» начала 1880-х гг. — М. Н. Ошаниной, продолжавшей в эмиграции народовольческую программно-тактическую линию первого предмартовского периода. На ее предложение попытаться реанимировать народовольческое дело Тихомиров ответил: «Теперь я бы с большей охотой видел возникновение кружка с здоровым (созидательным и антитеррористическим) направлением. Мне нужно создать партию серьезную, которая могла бы сделаться силой в стране, партию правящую. Для всего этого я не считаю нужным торопиться, я лучше бы хотел, чтобы новое направление назрело». Далее он передает ответ Ошаниной: «Я удивляюсь, — заметила она, — как ты можешь так рассуждать, находясь в такой крайности и в полном бессилии».

Заключительная часть записи этого дня (23 сентября) во многом объясняет последующие действия Тихомирова: решение печатно объявить о своем отказе от революционной деятельности и подать прошение о разрешении вернуться в Россию.

«Этот разговор освежил мне мои собственные мысли. Действительно. Я — ничто, нуль. Я существо даже уже пришибленное. И в то же время я не могу отказаться от желания серьезно, глубоко влиять на жизнь. С чистой совестью я мог бы совершенно отказаться от общественной деятельности, но раз уж ею заниматься, то заниматься серьезно».⁷

Желание влиять на жизнь, т. е. влиять на пути развития России, на ее внутреннюю политику, мечты о создании легальной правящей партии во главе с ним, Тихомировым, — вот что движет вчерашним народовольцем. Революционным, насильственным путем этого достичь не удалось, и в этом смысле перспектив для революционеров и соответственно для себя лично он больше не видит. Оставался другой путь: раскаяться в революционных заблуждениях, признать правомерность самодержавной власти, войти к ней в доверие и «влиять на жизнь» в союзе с ней, признавая при этом ее приоритетность. Разумеется, все это во имя блага России, русского народа. Похоже, что Тихомиров сам себя убедил в благотворности для России созревшего в его сознании плана действий и не считал его иллюзорным.

Высказывавшееся время от времени в дневниковых записях 1886—1887 гг. сожаление по поводу неразумности студенческих волнений в России или сетования в связи с неправильными с точки зрения Тихомирова действиями революционеров сменились в начале 1888 г. раздражением по этим поводам, резкостью личных и общих оценок. «Те, кто помоложе, — что за жалкий народ! Я теперь от них на 10 000 верст. Я безусловно ничего общего с ними не имею и просто начинаю ненавидеть то бунтовское направление и настроение, которые составляют существеннейшую прокладку нашего революционного движения». Правда, в этой же записи (от 5 января) есть и самокритичное признание: «Однако, — пока сам не сумел еще отрешиться от „революционных“ точек зрения, — мне трудно было понять всю нелепость этого слоя пены...»⁸

Перемены во взглядах Тихомирова не остались незамеченными в эмигрантской среде, и это нашло отражение в его дневнике. 5 января 1888 г. он записывает дошедшие до него пересуды. На одной из студенческих сходов «кто-то говорил против меня, что, дескать, Тихомиров проповедует, что студенты не должны мешаться в политику <...> Оратор, разумеется, находит это очень реакционным. Вообще меня <...> теперь очень ругают, и я этим горжусь: это положительно делает мне честь». 4 марта: «Против меня буря. Был Michel, рассказывал, как ругают меня С. А. и разная сволочь вроде Руб[ановича]».⁹

Обстановка вокруг Тихомирова накалялась. Весной 1888 г. наступил момент, когда надо было сделать радикальный и бесповоротный шаг: напрямую объяснить с бывшими товарищами и дать доказательство российским властям, что он, Лев Тихомиров, член Исполнительного комитета «Народной воли» в начале 80-х гг. и затем редактор заграничного «Вестника Народной воли», действительно отрекается от своего революционного прошлого. Без этого ни о какой надежде на легализацию и возвращение в Россию не могло быть и речи. Необходимо было покончить с двусмысленностью и неопределенностью своего положения. 4 марта 1888 г. он записывает в дневнике: «Я решил писать подробное объяснение, — русскую брошюру».¹⁰

В процессе написания Тихомиров получил, правда, пока еще слабый сигнал от русских властей о том, что его раскаяние может быть принято благосклонно. Знакомец Тихомирова, некий Исаак Павловский, в свое время обвиняемый на «процессе 193-х» (над участниками «хождения в народ» в 1874—1875 гг.), по суду оправданный, но затем административно сосланный на Север, бежал из ссылки за границу. Там в 1880-х гг., еще раньше, чем Тихомиров, он отказался от революционных взглядов и подал прошение о разрешении вернуться в Россию. Павловскому были известны перемены во взглядах Тихомирова, и он знал также о его намерении издать соответствующую брошюру,

обо всем этом он поведал чиновнику российского консульства в Париже. О реакции в консульстве Павловский тут же сообщил Тихомирову, который записал в своем дневнике 19 апреля: «Правительство было бы не прочь со мною примириться <...> Так неожиданно передо мной открывается просвет какого-то нового пути!». И далее: «Я объясню с публикой посредством брошюры. Затем, — пустит ли меня правительство или нет в Россию, — я веду себя одинаково». Как именно? Такое впечатление, будто Тихомиров убеждает самого себя (а может, и будущих историков?) в бескорыстности своих новых воззрений: «Я их буду проводить, и они полезны для правительства, конечно, но не потому что я их провожу, а потому, что они верные, справедливые взгляды. Если правительство будет меня преследовать, это не изменит моих мнений, как не изменило и раньше. Раньше я, преследуемый или получающий милость, одинаково был против правительства; теперь, преследуемый или получающий милость, одинаково буду за легальный способ действия, за монархию, за поддержание порядка и за прогресс».¹¹

Работа над брошюрой заняла «около двух месяцев», для Тихомирова — это большой срок. Объяснение: «много было помех». Запись о готовности рукописи датирована 12 мая 1888 г. После этого Тихомиров с нетерпением ждет ее выхода из печати, волнуется, раздражается медлительностью издателя и наборщиков, подозревает их в сношениях с эмигрантами. 29 июня набор рукописи наконец был сдан в типографию. Но и «поведение типографии» кажется ему «двусмысленным». Дневник от 2 августа: «<...> ходил <...> в типографию ругаться». Очевидно, помогло. Ликующая запись следующего дня, 3 августа 1888 г.: «Брошюра вышла!».¹²

Рубикон был перейден.

* * *

Какие же доводы приводил Тихомиров, обосновывая свой отказ от революционного пути переустройства России?

Объявив взгляды и действия революционеров, в том числе и свои, прежние, ошибочными, Тихомиров зачислил всех борющихся и борющихся против самодержавия по существу во врагов России, русского народа, поскольку, писал он, самодержавная власть — «это такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании и никем не может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят знать ничего другого».¹³ И вообще: «Россия здорова», «Россия... идет своим путем»,¹⁴ отличным от того, на какой ее хочет направить революционная интеллигенция. Революционеры же ставят России «фантастический диагноз» — будто бы страна «находится на краю гибели и погибнет чуть ли не завтра, если не будет спасена чрезвычайными революционными мерами». В действительности «ни для баррикад, ни для ирландщины, ни для заговора в России не оказывается „материала“, т. е. сочувствия, желания народа и общества».¹⁵

Революционеры говорят о необходимости «вернуть венец народу», — писал Тихомиров. Но «народ об этом нисколько не просит, а, напротив, обнаруживает постоянную готовность проломить за это голову „освободителям?».¹⁶ В результате революционерам не остается ничего другого, как прибегнуть к террору, осуществляя его своими силами, без народа. О причинах особо негативного отношения Тихомирова к народолюбческому террору будет сказано ниже.

Не ограничившись констатацией бессилия русского революционного движения, Тихомиров пошел дальше, объявив его вредным для России: «Конечно, наше революционное

движение не имеет силы своротить Россию с исторического пути развития, но оно все-таки очень вредно, замедляя и отчасти искажая это развитие».¹⁷

Вред революционеров, по Тихомирову, проистекает из их убеждения, что Россия находится «в каком-то периоде разрушения, который, как веруют, кончится страшным переворотом с реками крови...». Только затем у них «предполагается период созидательный». Он объявляет эту социальную концепцию совершенно ошибочной — «в действительной жизни разрушение и созидание идут рука об руку», т. е. путем эволюции. «Кто имеет силу разрушать, бессильный однако немедленно воссоздать новое, производит только омертвление части общественного организма». Русскими же революционерами, по утверждению Тихомирова, «революционное разрушение», «ниспровержение» рассматривается само по себе «как нечто полезное, содержащее зерно прогресса».¹⁸

Отвергая, по крайней мере для России, необходимость и возможность насильственного пути преобразований, Тихомиров должен был ответить на логически неизбежный вопрос: какой именно прогресс нужен России, какие политические и общественные силы и каким конкретно путем могут его реализовать.

В разных местах тихомировской брошюры в различном контексте имеются мало что разъясняющие формулировки о необходимости «выработать систему улучшений», «служить мирному прогрессу», «вести культурную работу», «культурную деятельность».¹⁹ При этом Тихомиров декларировал, что «не отказался от своих идеалов общественной справедливости».²⁰ Но если раньше у Тихомирова, как народника, общественная справедливость была равнозначна социализму, то в брошюре, написанной в 1888 г., о социализме не упоминалось. Во всеуслышание заявив о том, что перестал быть революционером, Тихомиров умолчал, что одновременно он перестал быть и социалистом.

Только на последних страницах брошюры можно найти, да и то в общей форме, раскрытие предлагавшейся Тихомировым «системы улучшений» для России: «Развитие русской мысли, науки, особенно в столь отставших областях социальной и политической, изучение страны, обновление русского образования, развитие и упорядочение прессы — это главнейшие задачи. Рядом с ними стоит развитие производительности труда, техники, улучшение форм труда, и т. п. Наконец улучшение в организации разных слоев населения, во главе чего стоит конечно — придание серьезного и строго практического характера местному самоуправлению».²¹ Ничего специфически социалистического в этом перечне «улучшений» не содержится.

Конкретное предложение Тихомиров высказал только по земству. Он находил, что «его современная организация явно неудовлетворительна и ставит его в неизбежную оппозицию с администрацией». Чтобы избежать этого, он предлагал «слияние земства с администрацией», подчинение его «необходимому контролю», вообще придать земству «значение низшего органа правительства»,²² т. е. по существу отказаться от земства как органа местного самоуправления.

Главную политическую силу, которая может осуществить намеченную программу реформ, Тихомиров образца 1888 г. видел только в самодержавии и его институтах. «...Русский должен признать установленную в России власть, и думая об улучшениях, должен думать о том, как их сделать с самодержавием, при самодержавии».²³

В обоснование этого утверждения Тихомиров приводит доводы — во-первых, о законности установления самодержавной власти Романовых, которую они получили «от торжественно избранных предков», а поставленное от царя правительство действует,

«признанное народом». Во-вторых, он старается убедить читателей своей брошюры в том, что российское самодержавие способно, может и желает проводить реформы, если в том назревает необходимость. Русская монархия «имеет в своей истории несколько блестящих реформационных эпох». Петр, Екатерина, Александр II — цари-реформаторы. Даже при Николае «развивались все общественные идеи, какими до сих пор живет русское общество». Пушкин, Гоголь, Толстой «составляют доказательство, что величайший прогресс литературы совместим с самодержавием». Возражение оппонентов, что это происходило не благодаря, а вопреки самодержавию, кажется Тихомирову «жалким»: «Но если бы даже и так: не все ли равно “благодаря” или “вопреки”, коль скоро прогресс и очень быстрый оказывается возможным?»²⁴

Российский самодержец, согласно Тихомирову, поддержит реформаторов и даже может поставить свое правительство «во главе реформы» при двух условиях: если реформаторы действительно выработают необходимую программу и убедят власти в ее полезности и если при этом у реформаторов не будет поползновений ограничить самодержавие и у самого самодержца не возникнет на этот счет никаких подозрений.²⁵ Россия, убеждал Тихомиров, «с ее далеко не законченными национальными задачами и с множеством внутренних неудовлетворенных запросов» более, чем какая-либо другая страна, нуждается в прочном и сильном правительстве. Какие именно задачи и запросы необходимо решить, не разъяснялось, но из вышеизложенного он делал безапелляционный вывод: «Сильная монархическая власть нам необходима, и думая о каких-либо усовершенствованиях, нужно прежде всего быть уверенным, что не повредишь ее существенным достоинствам».²⁶

Парламентаризм «как система государственного управления», по мнению Тихомирова, «неудовлетворителен». Поэтому в качестве реформаторов либералы, которые «постоянно надоедают правительству стонами об увенчании здания», не годятся. Для обоснования своих притязаний они прибегают «к самой тенденциозной пристрастной критике» любых мер правительства и тем самым «сами себя вытесняют из участия в управлении страной».²⁷

Тихомиров утверждал, что еще за несколько лет до написания брошюры у него появилось намерение и он делал попытки перестроить «Народную волю» из революционно-террористической партии в легально-реформистскую. Он желал «единения партии со страной» и «хлопотал» об этом. Революционная деятельность народovolьцев должна была постепенно вытесняться «созидательной». Тихомиров, по его словам, требовал «уничтожения террора и выработки великой национальной партии», и в конечном итоге такая «разумность действия» должна была, как им задумывалось, «в логическом развитии сделать еще шаг вперед и совершенно отбросить революционность действия». Но неистребленная приверженность к террору «помешала партии превратиться в широкое общественное движение». Преобразовательные идеи Тихомирова в отношении «Народной воли» «оказались однако выше понимания революционеров».²⁸

Оставалась еще непартийная учащаяся молодежь. В специальном разделе своей брошюры Тихомиров убеждает ее не увлекаться фантастическими революционными теориями, не гибнуть без пользы для России, а выучившись в университетах, «служить мирному прогрессу». Но в то же время он считает, что наметить «собственной работой, собственной мыслью и исследованием главнейшие пункты устройства России» — «задача не по ее силам».²⁹

Кто же тогда должен выработать программу «устроения» России?

Прежде всего, пишет Тихомиров, это долг таких, как он, — «намутивших <...> столько революций», но затем много «передумавших» и почувствовавших «стремление к трезвости мысли». Но таких оказывалось очень немного. Однако среди «нашего» поколения, писал Тихомиров, приближающегося к сорокалетию, есть часть, не позволившая увлечь себя в революцию, и теперь среди них имеется много влиятельных членов «русского общества». «Средства мирного развития страны в их руках». Имеется также немало личностей, «давно пролагавших путь» так, как делает теперь он, Тихомиров, но до сих пор они мыслили и действовали в одиночку. Из всех перечисленных элементов Тихомиров, надеясь вернуться в Россию, предполагал образовать некую «партию законного прогресса». «Пусть ее люди служат, работают, пусть они имеют всегда готовую систему, приспособленную к нуждам положения, и практичность которой может быть доказана Государю. В минуту, когда Император решит призвать к власти прогрессивную партию (что он непременно будет делать от времени до времени, если только убедится, что эта партия искренно признает его верховные права), партия прогресса должна быть готова оправдать призыв и сделать по устроению России действительно все, что можно». ³⁰ Тихомиров предусматривал и вариант, когда монарх по каким-либо соображениям не поручит «партии законного прогресса» проведение реформ. Проявляя безоговорочную лояльность к самодержавной власти, Тихомиров демонстрировал готовность к полному смирению перед монаршей волей и призывал своих сторонников «покориться» и готовиться «к следующему разу». ³¹

* * *

Брошюра Л. А. Тихомирова вышла из печати 3 августа 1888 г., а 23-го ему сообщили, что П. Л. Лавров пишет на нее ответ. 17 сентября в дневнике Тихомирова появилась запись: «Получил брошюру Лаврова против меня». ³²

Ответ П. Л. Лаврова имел название «Письмо товарищам в Россию по поводу брошюры Л. А. Тихомирова». По объему контрброшюры Лаврова (около двух печатных листов) не уступала сочинению Тихомирова, и можно подивиться оперативности Петра Лавровича и в ее написании, и в издании, тем более что в конце печатного текста стоит дата — 10 августа 1888 г.

Лавров был обеспокоен тем, что «отступничество» революционера с таким авторитетом, какой был у Тихомирова, «может вызвать <...> смуту <...> особенно в умах молодых», хотя тут же просил извинения за такое предположение, объясняя его давней оторванностью от Родины, которая не позволяет ему «вполне оценить степень жизненности в ней возмущения противу безобразий современных порядков». Тем не менее Лавров счел необходимым публично опровергнуть доводы Тихомирова своими «логическими рассуждениями». ³³

В «Письме товарищам...» проявился типичный Лавров с его довольно тяжеловесным слогом обстоятельного и рассудительного философа и социолога, каким он был всегда со времен знаменитых «Исторических писем» (Неделя. 1868–1869). Так же, как и тогда, он предлагает «критически мыслящим личностям» самостоятельно, без преклонения перед авторитетами оценить аргументы спорящих сторон.

Первый логический удар Лавров нанес по тихомировским рассуждениям о революции и эволюции. Лавров теоретически не отдавал предпочтения ни тому, ни другому пути развития как «биологической особи», так равно и «социологической коллективности».

В одной из стадий развития «в обществе преобладают явления мирных реформ», но наступает период, когда становится необходимой хирургическая помощь революционеров. Ее отсутствие «может повести к общественной смерти, к невозможности прогресса на неопределенный период». Революционеры и «люди мирных реформ» спорят, какое средство надо применить для излечения общественных болезней. «Иногда правы те, иногда другие», каждый «в свое время». Здесь важно верно определить, какое время в данный период переживает общество, поставить правильный диагноз, но у Тихомирова вместо этого — неизменная «антипатия к насильственной революции вообще». У Лаврова антипатии к мирным реформам не было, но периодическую смену реформационного фазиса революционным (и наоборот) он считал закономерной. «Безусловное порицание <...> и мирного реформаторства, и революционизма выказывают одинаково смутное понимание социологической эволюции».³⁴

Тот же неоднозначный подход, который был применен Лавровым в вопросе о соотношении революции и эволюции, он применил при оценке роли самодержавия: не абсолютизировал его реакционность. Лавров отмечал, что и в ряде стран Западной Европы в XVIII в. самодержавие периодически было реформаторским, и тогдашняя интеллигенция была на стороне самодержцев, борющихся с «феодалной самовластью». Положение изменилось к концу царствования Александра I, а причисление Тихомировым «пресловутого государя» Николая I к царям-реформаторам вызовет у читателей тихомировской брошюры, по мнению Лаврова, лишь «улыбку». Да, писал Лавров, прогрессивные идеи «при Николае» развивались, но это были «идеи оппозиции самодержавию, крепостничеству, бюрократии...». В обществе возникла потребность в правовом строе, но «понятие о правовом строе и неограниченной власти рядом ужиться не могли», и «с тех пор неудержимо и фатально самодержавие должно было регрессировать».³⁵ Тем более оно несовместимо с принципами социализма, о котором Тихомиров умалчивает (и Лавров отмечает это упорное умолчание³⁶).

Однако рассуждения о несовместимости социализма с самодержавием — не главная тема в брошюре Лаврова. Его приоритетная практическая цель — опровергнуть утверждение Тихомирова о возможности реформ в России при самодержавии Александра III, его призыв проводить реформы «вместе с самодержавием» именно при этом монархе. «Трудно было выбрать минуту в эволюции русского самодержавия, когда подобный призыв резал бы уши ббльшим противоречием с существующими порядками, видимыми и ощущаемыми для всякого русского».³⁷

Лавров вопрошал: возможно ли сейчас в России свободное развитие социальной науки, «когда все университеты, один за другим, лишаются своих лучших профессоров», когда даже официальные статистические комитеты ограничены в функционировании. Возможен ли при правительстве Александра III серьезный характер местного самоуправления, может ли ныне царствующий самодержец и его окружение обеспечить, как утверждает Тихомиров, всем гражданам средства для физического и духовного развития, может ли молодежь при существующих условиях подготавливаться к роли будущих государственных и общественных деятелей?

Очевидно Лавров полагал, что однозначные ответы на все эти вопросы дает сама российская действительность и потому не приводил каких-либо конкретных примеров, кроме вышеупомянутого увольнения либеральных профессоров. Вместо этого он заключал: «Я ни минуты не сомневаюсь, что всякий развитый русский человек ответит на

эти вопросы отрицательно». А у Тихомирова — «добровольное закрытие глаз перед невозможными условиями культурной работы в нынешней России». При Петре и Екатерине «интеллигенция была тогда за самодержавие и отшатнулась от него, перешла к оппозиции все более и более решительной, и поставила, наконец, в своем меньшинстве вопрос о революции». ³⁸

Лаврова нисколько не смутил тезис Тихомирова о революционерах, идущих против многомиллионного народа, охотно признающего неограниченную царскую власть. «Печальная история» русского народа, — отвечает Лавров, — «не позволила ему надлежащим образом развиться», поэтому сознательная революционная личность должна считаться только с «истинными потребностями большинства населения <...>, а вовсе не с привычными, хотя бы для „миллионов“, формами мысли и жизни». ³⁹ На утверждение Тихомирова, что фантазерское состояние ума достигает высшей степени у революционеров, Лавров отвечал в том же духе: «Надежды на правительство Александра III <...> могут быть в глазах не одних революционеров несравненно большим фантазерством». В брошюре Тихомирова, по словам Лаврова, нарисована «совершенно уже сказочная картина будущей реформаторской деятельности русского самодержавия, чуть ли не при пособии бывших революционеров». ⁴⁰

Нынешняя Россия, по убеждениям Лаврова, переживает революционный фазис. Существующие в стране условия делают «всякую серьезную культурную работу невозможной». С самодержавием Александра III «никакие сделки невозможны. Оно должно быть разрушено». ⁴¹

Таковы основные доводы П. Л. Лаврова против основных тезисов брошюры Л. А. Тихомирова. Тихомиров не оставил их без ответа. Но сделал он это уже из России, со страниц «Московских ведомостей».

* * *

На последних страницах ответа Л. А. Тихомирову П. Л. Лавров в сильных выражениях дал прогноз дальнейшей судьбы своего бывшего соредактора по «Вестнику Народной воли». «Он — апостол „Самодержавия“ и ждет лишь торжественной минуты, когда его призовет его владыка и пригласит во славе воссесть одесную своего престола. Наступит ли для Л. А. Тихомирова эта минута забвения всего его прошлого со стороны самодержавной власти, сказать трудно. Он уже заслужил это забвение, но не всегда всем воздается по заслугам, даже со стороны русского самодержавия. Любопытен и грозен вопрос: до чего он дойдет?». Что ждет его в России, «если для него откроются ее пределы»? Отношение революционеров к нему понятно — он для них «чужой». Он отступник и в глазах либералов, их ряды «будут перед ним замкнуты». «Ему будут открыты, может быть, лишь ряды сторонников „Московских ведомостей“ и „Нового времени“». Ему будут открыты их салоны и их объятия». ⁴²

Первые же действия Тихомирова, которые он предпринял после выхода своей брошюры, были призваны выразить его желание стать верноподданным российского императора, заслужить прощение властей и получить разрешение легально вернуться в Россию. В течение августа—ноября 1888 г. им было разослано около сотни экземпляров брошюры в редакции русских столичных и провинциальных газет и отдельным лицам, среди которых обращают на себя внимание фамилии И. И. Воронцова-Дашкова, К. Н. Победоносцева, П. Н. Дурново и В. К. Плеве. ⁴³ Копию письма последнему от 7 августа, приложенного к брошюре, Тихомиров включил в свой дневник.

В письме В. К. Плеве Тихомиров с искренней убежденностью осуждал свои «страшные ошибки прошлого» и просил оказать посредничество в получении амнистии. Надежда на это в том тяжелом душевном состоянии, в каком он сейчас пребывает, писал Тихомиров, остается для него единственным лучом света.

Как бы ни относиться к Тихомирову, объективный историк должен отметить, что, желая «начать новую жизнь», он давал понять, что не будет «покупать» ее у правительства и не собирается делать что-либо «противного чести и обязанности порядочного человека». Вместо этого он заявлял о готовности посвятить свои способности публициста «уяснению и укреплению» в русском обществе «здоровых политических идей». Но делать это успешно, убеждал Тихомиров Плеве, можно, только живя в России.⁴⁴

Через несколько недель, в начале сентября, Тихомирова пригласили в русское консульство, где ему сообщили, что, по указанию В. К. Плеве, он должен подать прошение на высочайшее имя.

Разумеется, текст прошения на имя Александра III Тихомиров, так же как и письмо к В. К. Плеве, переписал в свой дневник. Рассказывая о своих взглядах и действиях в те годы, когда он был «охвачен революционной горячкой», Тихомиров писал, конечно в тоне самоосуждения, но, пожалуй, без утайки всего того, что по различным источникам знают о нем современные исследователи народничества. Правда, надо думать, многое о нем знала и тогдашняя тайная полиция, и утаивать что-либо в прошении о помиловании было опасно, так как могло вызвать сомнения у высочайшего адресата в искренности тихомировского раскаяния.

Самым трудным для Тихомирова стала самооценка своей роли в террористических актах «Народной воли». Он признал, что при расколе «Земли и Воли» в августе 1879 г. примкнул к более радикальному крылу, которое «стремилось перейти на почву политической борьбы, имея политические убийства, как средство действия». Тихомиров не отрицал, что редактировал народовольческие программные документы, в которых террор являлся значительной составной частью. Более того — он признавал себя участником обсуждений почти всех планов «преступных покушений» на царя. Но при этом подчеркивал, что «материально и лично не принимал участия ни в одном покушении».⁴⁵ Это было правдой. В. Н. Фигнер, прочитав изданные в 1927 г. воспоминания и дневники Тихомирова, свидетельствовала: «В осуществлении актов борьбы с самодержавием Тихомиров участия не принимал: у него не было темперамента для этого, и он не принадлежал к тем, которые по нравственным мотивам личным участием хотели „слово“ воплотить в „дело“».⁴⁶

Но и свою поддержку террора только словом Тихомиров старался смягчить в глазах властей, утверждая, что с его стороны это была неизбежная дань господствовавшим в революционной среде настроениям, «уступкой» им, «в высшей степени преступною», но все же только уступкой, на которую он пошел потому, что его ум и совесть, «хотя в меньшей степени, были тогда омрачены общим туманом». Однако «террористом в строгом смысле слова», по его мнению, он не может «быть назван».⁴⁷

Это, на мой взгляд, было уже полуправдой.

Действительно, народоволец Николай Морозов, крайний приверженец систематического террора, сохранил, спустя много лет, неприязнь к Тихомирову за то, что тот, будучи редактором печатного органа «Народной воли», отвергал его ультра-террористические статьи.⁴⁸ Но та же В. Фигнер в уже цитированных воспоминаниях писала:

«Как член Исполнительного Комитета, при обсуждении этого рода дел (о подготовке покушений на царя. — В. Г.) Тихомиров никогда не подымал своего голоса против».⁴⁹

Сам Тихомиров в прошении о помиловании в это утверждение В. Н. Фигнер по существу вносит поправку. Если принять его слова на веру, получается, что по крайней мере два раза он выступал против организации немедленного покушения на царя. Чувствуется, что более всего Тихомиров не хотел, чтобы Александр III увидел в нем одного из убийц своего отца: понятно — в этом случае никаких шансов на помилование и легализацию в России быть не могло. В своей брошюре Тихомиров писал, что «по совести и убеждению» служил революционному делу «до почти конца 1880 года». «Странная дата», — заметил по этому поводу Лавров.⁵⁰ Но ничего странного в этой дате нет, ибо именно с конца 1880 г. «Народная воля» начала подготовку к очередному покушению на Александра II, которое, как известно, 1 марта 1881 г. окончилось для нее удачей.

Тихомиров утверждал, что при обсуждении этого вопроса в конце 1880 г. он «высказался в том смысле, что начатое в 1879 г. злоумышление есть роковая ошибка, которая, вероятно, задушит партию». Его не послушали, подготовка продолжалась, участия в ней он не принимал, хотя и «не противоречил» и «знал, что мину ведут на Мал. Садовой». Но за две недели «перед роковым днем» он вообще уехал из Петербурга, а вернувшись как раз 1 марта, только тогда случайно узнал о свершившемся.⁵¹ После знакомства с этим рассказом становится более понятной его отчаянная разъяренность, отразившаяся в дневниковой записи 30 октября 1888 г.: «Получил от Savin'a статью „Matin” и еще другую, подлейшую, в „Cosmopolite”. Не знаю, что и делать: рассказывает, будто я участвовал в убийстве государя 1 марта 81 г. Опровергать, что ли? Мерзавцы!».⁵²

Но второй раз, сразу после убийства Александра II, Тихомирову, по его словам, удалось убедить товарищей в нецелесообразности немедленного покушения на нового царя, «не успевшего определить своей политики», и будто бы именно по его настоянию Исполнительный комитет ограничился открытым письмом к Александру III. Проект письма поручили составить Тихомирову.⁵³ Письмо было выдержано в вежливом, но ультимативном тоне: политическая амнистия, свободные выборы в Учредительное собрание — или продолжение террора.⁵⁴ Все же это было письмо, а не бомба, в чем Тихомиров, по-видимому, видел для себя смягчающее обстоятельство.

В брошюре «Почему я перестал быть революционером» самые резкие и, надо признать, самые сильные места те, где Тихомиров критикует террористическую тактику «Народной воли».

«Терроризм как система политической борьбы или — бессилен, или — излишен; он бессилен, если у революционеров нет средств низвергнуть правительство, он излишен, если это средство есть».

С этим тезисом Тихомирова можно согласиться, имея в виду, что он относится к индивидуальному террору в России второй половины XIX в., когда террор не был составной частью массового движения, еще не приобрел глобальных масштабов и был направлен преимущественно на представителей властной элиты.

Вполне убедителен и довод Тихомирова, что, как бы неудобно не чувствовали себя император и правительствующие лица, уступать в чем-либо существенном террористам они не станут: «во-первых, это было бы слишком малодушно», во-вторых, «подготовляло бы слишком много опасностей в будущем» — воодушевленные успехами террористы только умножат свои требования. Политические убийства, продолжал он свою

мысль, до сих пор приводили правительство только в «некоторое расстройство», пока оно не убеждалось, что против него не «какая-то грозная сила», а всего лишь «ничтожная горсть», «которая потому и занимается политическими убийствами, что не имеет силы на что-нибудь серьезно опасное».⁵⁵

«Чем меньше страна хочет революции, тем натуральнее должны прийти к террору те, кто хочет во что бы то ни стало оставаться на революционной почве, при своем культе революционного разрушения».⁵⁶

Этот выпад Тихомирова против народовольческого террора по смыслу, можно сказать, созвучен с известной позднейшей его характеристикой классиком марксизма, широко использовавшейся советскими историками: «Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания».⁵⁷

Тихомиров эмоционально осуждал террор и с нравственных позиций: «горсть людей», сама сознающая себя «ничтожным меньшинством», присваивает себе право лишать других людей жизни по политическим мотивам! Теоретически он признавал, что «иногда самозванные революционеры нравственно более представляют народ, нежели его законные или хотя выборные представители». Но это, по его мнению, не относится к русским революционерам. В их утверждениях, что они выражают истинные интересы народа, Тихомиров видел только «иллюзию нравственного представительства». Опять-таки теоретически он допускал, что «третировать какого-нибудь узурпатора» или предавать смертной казни «тирана» — «позволительно». Но он не считал русских самодержцев ни узурпаторами, ни тиранами — ведь они, по мнению Тихомирова, получили свою власть законно и склонны прислушиваться к разумным советам мирных реформаторов.

Более убедителен Тихомиров, когда он пишет о негативном влиянии террора на общество и на самих революционеров — террор «воспитывает дух своеволия, не совместимый ни с каким общественным строем».⁵⁸ Об этом писали и говорили и самые стойкие народовольцы, в частности В. Н. Фигнер, А. И. Желябов.⁵⁹

Но, как уже говорилось, развенчивая народовольческий террор, Тихомиров выражал беспокойство не только о нравственном здоровье общества, он имел и личную практическую цель — показать властям свое скептическое отношение к террору с самого начала его возникновения в той организации, одним из руководителей которой он являлся. В своей брошюре Тихомиров разделил пережитый им «революционный период» на три этапа. В первом, донародовольческом, — он бунтарь, мечтает о подготовке крестьянского восстания. В годы успехов «Народной воли» — он сторонник государственного переворота посредством заговора, террор только «терпел», стараясь обуздать его, а деятельность «Народной воли» каким-то образом «подчинить созидательным идеям». Во времена упадка народовольческой организации после марта 1881 г. Тихомиров по-прежнему заговорщик, но к террору относится уже «с резким отрицанием» и опять-таки выступает с требованием усиления «культурной работы». Отсюда уже было недалеко до того, чтобы он, Тихомиров, «отбросил и самую революцию вообще».⁶⁰

Лавров, будучи убежденным сторонником пропагандистски-организаторской подготовки народного восстания, неодобрительно относился к террористической практике, с тех пор как она стала распространяться в народнической среде. Но в конце 1870-х гг. в России не было другой серьезной революционной силы, кроме «Народной воли», с которой стоило бы налаживать связь из-за границы. А без такой связи эмигрант Лавров оставался в изоляции, и его публицистическая деятельность не оказывала необходимого

влияния на русскую демократическую общественность. Террористический элемент в программных документах «Народной воли» занимал значительное место, и ее союзники должны были с этим, пусть с оговорками, но соглашаться. Тихомировское выражение «терпел террор» больше подходит не к нему, а к Лаврову, который четко определил свою позицию: «...раз вступив в союз с народовольцами, как с партией, успевшей наилучше концентрировать русское революционное движение, я считаю себя обязанным принимать все естественные следствия этого союза».⁶¹

Неоднозначное отношение Лаврова к террору должно было отразиться и отразилось на его критике абсолютного неприятия террора со стороны Тихомирова. Лавров не мог защищать террор от тихомировских нападков так, как он защищал революцию и социализм. Он напоминал, что еще в 1880–1881 гг., «когда вся молодая эмиграция была на стороне этих приемов, публично предупреждал слушателей об их опасностях» — о возможном возмущении общества против террористических актов, об опасности истощения сил революционной партии, о возможности появления в среде террористов недостойных личностей.⁶² «Дозволительны ли формы террора?». Вопрос Лавров ставил прямо, но ответил уклончиво: «Террор всегда есть оружие крайне опасное и остается опасным и в России; тяжелую ответственность берут на себя те, которые к нему прибегают; но не эмигрантам, давно уже оставившим отечество, можно произнести приговор о его целесообразности в том или другом случае».⁶³

Тихомиров и несколько его сторонников в Исполнительном комитете действительно представляли не столько террористическое, сколько заговорщическое течение в «Народной воле», особенно усилившееся после марта 1881 г. «Пользуясь своим положением в ИК после 1 марта, где уже не было виднейших руководителей партии, Тихомиров пытался направить всю деятельность ИК по пути заговора. Имелся в виду военный заговор, но он не исключал и дворцового переворота».⁶⁴

Подготовка заговора, знание и недонесение о подготовке покушения на царя были по российским законам вполне достаточным основанием для самого сурового наказания. Лев Тихомиров, если бы был арестован в марте 1881 г., вполне возможно оказался бы рядом с Андреем Желябовым и Софьей Перовской на одном эшафоте. Но в 1888 г., признаваясь в причастности к несостоявшимся планам заговорщиков и одновременно откровенно отрицаясь от совершивших царевбийство товарищей, он рассчитывал на помилование. Опасность отказа все же существовала, и Тихомиров мучительно размышлял, не должен ли он в этом случае, уже объявивши себя верноподанным, «отдаться в руки русской администрации».⁶⁵ Но шанс быть прощенным еще оставался. Четко заявив в своей брошюре: «Я мечтал то о баррикадах, то о заговоре, но никогда не был террористом»,⁶⁶ он дал возможность Александру III, сохранив лицо, амнистировать раскаявшегося заговорщика. Политическая целесообразность этого для русского правительства была очевидной — Тихомиров не ошибся. Однако путь на родину стал для него отнюдь не простым и гладким, да и масштаб деятельности в «русских пределах» оказался довольно далеким от той общественно-политической роли, на которую он надеялся, решившись на отречение от революции.

* * *

После отправления прошения на имя Александра III для Тихомирова потянулись томительно долгие дни и недели в ожидании ответа. Ожидание усугублялось постоянным безденежьем, болезнями жены и малолетнего сына. 1 января 1887 г. он записал в

дневнике: «Безденежье такое, что столько раз буквально голодали. Я совершенно упал духом...».⁶⁷ 1888 г. выдался еще более тяжелым и в материальном, и в моральном отношении, особенно его вторая половина. Записи в дневнике наглядно передают душевную надломленность автора брошюры «Почему я перестал быть революционером». Вот некоторые из них:

25 июня. «Мое положение нестерпимо. Гроша нет и взять негде. В желудке пусто».

26 июня. «Занял 12 фр. у Маринковича до первого».

18 сентября. «Мы проводим дни крайне тяжелые. Со всех сторон грызня. Денег ни гроша, да и не предвидится ниоткуда. На дозволение вернуться в Россию тоже как-то плохо надеемся».

1 октября. «Заложил часы <...> Мы остались без печки...».

3 октября. «Положение такое, что не хочется жить. Денег — ни гроша <...> Взять неоткуда, заложить нечего, просить в долг не у кого <...> Ночью, бьет 3 часа. Проснулся в каком-то ужасе, с мыслью, что только я буду делать, чем кормить семью. Вероятно, это потому, что желудок пустоват у самого, и ощущение голода довольно сильно».

5 октября. «Павловский дал 5 франков...».

17 октября. «Так худо, так безрассветно, что и не скажешь. Из Питера — ни слуху, ни духу, да и вообще ниоткуда ни ответа, ни привета, ни поддержки. Голод, холод, тоска, ни настоящего, ни будущего... ни прошлого!».

24 октября. «Все нет ответа на мое прошение государю... Вот уже почти два месяца. Если бы хотели меня простить, — могли бы сделать это уже несколько раз. Что значит?».

3 ноября. «Кампания против меня в газетах...».

7 ноября. «Скоро будемдохнуть с голоду. Страшно холодно. Топить нечем...».⁶⁸

К середине ноября наступило некоторое облегчение: «Получил от Павловского три франка», «Вандакурова дала 10 фр.», а 14 ноября целых 252 франка от доброжелательницы из России О. А. Новиковой. 5 декабря «получил письмо Суворина с предложением сотрудничества и денег вперед» (вскоре было передано 200 р.); вдобавок к денежным поступлениям до Тихомирова доходят слухи «о чтении государем брошюры». Наконец, 10 декабря в русском посольстве: «Получен ответ. Государь император меня амнистировал с отдачей под гласный надзор на 5 лет. Ура! Теперь начинаю новую жизнь. Нужно лишь стараться, чтобы эта новая жизнь загладила все глупости и грехи прошлого... Устал, нет мочи... Завтра куча писем во все стороны».⁶⁹

16 января 1889 г. (по старому стилю) Л. А. Тихомиров выехал из Парижа (жена и сын пока остались во Франции) и 20 января после почти семилетней эмиграции вновь оказался в столице Российской империи, куда в последние эмигрантские годы так стремился. В первые же дни визиты — П. Н. Дурново, А. С. Суворину, Д. А. Толстому, 23 января «был во фраке и т. п. у Плеве — благодарить за внимание». Но слишком долго поднадзорному Тихомирову проживать в Петербурге не полагалось: «Полиция находит, что я чересчур зажился». 25 февраля Тихомиров прибывает в определенное ему место жительства — Новороссийск, обосновывается в доме матери.⁷⁰

Хорошее настроение первых недель пребывания на родине скоро прошло. Зарабатывать на жизнь Тихомиров мог только литературным трудом, но из Новороссийска сноситься с редакциями столичных изданий было затруднительно. Сотрудничество с А. С. Сувориным не наладилось. Тихомиров предполагал, что его консерватизм оказался

слишком крайним даже для редактора «Нового времени». Непросто складывались отношения и с «Московскими ведомостями». Редакция хотела от Тихомирова воспоминаний, интересных для ее читателей, он же был настроен писать статьи «принципиальные». ⁷¹ Все же одна из таких статей — «Несколько замечаний на полемику эмигрантов» была напечатана в двух номерах «Московских ведомостей» за 16 и 18 марта 1889 г.

В своем ответе эмигрантам, прежде всего Лаврову, Тихомиров не стеснялся в выражениях: выдумка и клевета, архаизм, жалкие фразы, спутывание понятий, «много самохвальства и самомнения, и больше ничего». Подписчикам «Московских ведомостей», незнакомым с заграничными брошюрами Тихомирова и Лаврова, многое в тихомировской полемике вряд ли было понятно и потому малоинтересно. Но как защитник самодержавия Тихомиров на страницах «Московских ведомостей» продолжал выступать вполне определенно. Он убеждал в том, что самодержавие в России способно приспособиться к изменяющимся условиям, и это говорит о его жизнеспособности. ⁷²

Зная реальный ход европейской истории XX в., можно согласиться с тем, что монархия (но не «самодержавие», как у Тихомирова) в некоторых странах, действительно, «приспособилась» и потому кое-где сохранилась до наших дней. Но российское самодержавие вопреки прогнозам Тихомирова должным образом приспособиться не смогло.

Эмигранты, писал Тихомиров, полемикой против него стараются «повлиять на слои молодежи, еще доступные, к сожалению, их влиянию». Поэтому главную задачу своей контрполемики он видел в противодействии этим попыткам, надеясь воздействовать на учащуюся молодежь вообще и даже на молодых революционеров в России, призывая их «прогнать туман софизмов и общих мест, чтобы понять, как вся их деятельность не достойна трезвого, взрослого человека». ⁷³

Но искреннее желание Тихомирова помочь правительству в борьбе против «революционных фантазий» довольно долго реализовывалось плохо. Власти не использовали в полной мере с выгодой для себя факт отказа от революционной деятельности и революционных убеждений самого авторитетного лидера «Народной воли» после марта 1881 г. По ряду соображений (о которых ниже) МВД не стало распространять заграничную брошюру Тихомирова в России. Ее автору не позволено было постоянно проживать в Петербурге или Москве — правительство заняло по отношению к нему выжидательно-настороженную позицию.

Оставаясь поднадзорным, Тихомиров не мог проявить себя на общественном поприще в России так, как об этом мечталось во Франции. Вместо этого — прозябание в заштатном Новороссийске, вновь страдания от безденежья и необходимости жить в основном на содержании пенсионерки матери. Все это действовало на него угнетающе. Улучшение настроения после публикации в «Московских ведомостях» продолжалось недолго. Запись в дневнике 28 марта, всего через десять дней после появления в печати замечаний на полемику эмигрантов: «Как-то мне не идет впрок жизнь. Перемены, перемены, а ничего не лучше. Только вместо одних невидимых мук являются другие, такие же неисходные. Да не хуже ли? То была хоть звезда впереди, а теперь — ничего, кроме все большего сознания бессилья!». И тут же: «Нужно бы послать телеграмму Кате (жене. — В. Г.) — гроша нет». ⁷⁴

С течением времени пессимизм только усиливается. Запись 18 июня: «Моя жизнь проходит бессмысленно и тоскливо <...> Энергия падает. О писательстве хоть не думай. Негде. Да и нечего, без сношений с редакциями, без книг, без возможности выехать из

города». У Тихомирова возникает чувство изолированности и не востребоваемости: «Не-нависть радикалов, ненависть либералов, недоверчивое безразличие консерваторов, отсюда отсутствие работы».⁷⁵

В октябре «Московские ведомости» напечатали одну корреспонденцию Тихомирова, но это оказалось эпизодической удачей. Вторую его корреспонденцию не печатают — «решительно к ним невозможно приспособиться», «черт их знает, что им только нужно!». Тихомиров мучительно анализирует свое положение, ищет причины своих неудач. Он приходит к выводу, что не сможет работать, до тех пор пока ему «не развяжут руки», т. е. не отменят гласный надзор и не дадут свободу местожительства. Но — «рук мне не развяжут, потому что недовольны моей бездеятельностью».⁷⁶ Круг замкнулся.

Первый год в России после возвращения из эмиграции принес Тихомирову почти одни разочарования, несколько скрашенные двумя позитивными событиями в личной жизни: 8 мая приехала жена с сыном, а 30 ноября пришло уведомление о царском распоряжении признать брак Тихомировых законным и соответственно законорожденность детей. Но отношения с двумя старшими дочерьми, воспитывавшимися в России у матери и сестры, складывались сложно. 31 декабря Тихомиров, подводя итоги 1889 г., записал: «Остаюсь без самых элементарных гражданских прав, что тяжелее особенно потому, что я на самом деле искренне предан государю», «остаюсь без работы, без малейших средств к жизни», «почти одинок, хотя и в отечестве».⁷⁷

В подавленном настроении 5 января 1890 г. Тихомиров пишет письмо директору Департамента полиции МВД П. Н. Дурново с вопросом, может ли он быть одобрительно аттестован для поступления на государственную службу, хотя бы в пределах Новороссии. Через две недели приходит вежливый, но отрицательный ответ: «Поступление на государственную службу лицам в вашем положении воспрещается». Однако одновременно дается совет написать письмо лично государю с просьбой о снятии надзора.

Письмо, которое сам Тихомиров назвал «просьбой о доверии», было отослано 30 января — и вновь для него потянулись томительные дни ожидания. «Из Питера ничего. Пошел третий месяц, как я отправил свое прошение».⁷⁸

Положение Тихомирова изменилось к лучшему после напечатания в июне 1890 г. в нескольких номерах «Московских ведомостей» его большой статьи — «Начала и концы. Либералы и террористы». Либералы, по словам Тихомирова, своей постоянной критикой существующих в России порядков дезориентировали молодые незрелые умы, взрыхлили почву, на которой вскоре появились личности, посчитавшие обязательным для себя перейти от либеральных слов к революционным действиям, в конечном итоге — к террору. «Либеральная воркотня только готовила врагов правительства». «Никогда бы и террор не принял своих размеров, никогда бы он не дошел до своего слепого фанатизма, если бы не было объективной причины иллюзии в виде поведения известной части общества».⁷⁹

Итак, по Тихомирову, смута в России ведет начало с безответственной либеральной «воркотни» и кончается террором. Основная идея статьи и ее литературное исполнение произвели благоприятное впечатление на влиятельных людей в Петербурге. В начале июня Тихомиров получил приглашение приехать в столицу. «Статья оказалась замечена, — записал он в своем дневнике 11 и 12 июня. — Делянов сказал Московским ведомостям, что ее нужно отпечатать отдельной брошюрой. Победоносцев назвал ее замечательной и хочет со мной познакомиться». П. Н. Дурново сказал

Тихомирову, что «правительству нужны статьи» — статьи в «Новом времени» слабые, «просил меня», оплатил дорогу из Новороссийска в Петербург и обратно. «Взял, потому что нет ни гроша».⁸⁰

Вскоре после этого, 16 июля, было обнародовано высочайшее повеление о снятии с Л. А. Тихомирова гласного надзора. Неофициально ему сообщили об этом еще 4 июля, когда по пути в Новороссийск он остановился в Москве. Тогда же, уже не поднадзорный, Тихомиров договаривается с редакцией «Московских ведомостей» о зачислении в штат и вскоре переезжает в Москву, чуть позже вызывает к себе семью.

Пессимистический тон дневниковых записей на время прекращается. «Иногда» Тихомиров чувствует себя «счастливым». Подводя итоги 1890 г., благодарит Бога: «Из какой ямы вытащил меня Господь».⁸¹ Однако через некоторое время недовольство собой и обстоятельствами вновь проявляется на страницах дневника. Он неудовлетворен своим положением в «Московских ведомостях». «Эти люди вогнали меня в самую ничтожную роль», по своей глупости используют по минимуму его силы. К тому же — «денег маловато для семьи». Попытка устроиться на государственную службу (теперь в МВД) вновь оказалась неудачной. Тихомиров передали, что его доброжелатель в министерстве П. Н. Дурново «не считает возможным взять на себя инициативу в вашем определении на службу», но «вполне одобрит», если спросят его мнение об этом.

Общая оценка прошедшего 1891 года — «бледный год».⁸²

О 1892 г. итоговой записи нет. Первая оценочная запись следующего 1893 г. сделана 13 февраля: «Ничего особенно худого, да и хорошего ничего». Похоже начинался и 1894 г.: «Хороших видов у меня на новый год не имеется». Л. Тихомиров много работает, несмотря на нездоровье, сотрудничает в ряде журналов консервативного направления, пикируется с либералами, ненавидит революционеров — «этих людей нужно вырвать с корнем». И тем не менее — «сера жизнь, очень сера».⁸³

Российская действительность оказалась для Тихомирова гораздо прозаичней мечтаний 1888 г., когда он принял судьбоносное для себя решение. Определенное разочарование было, но сожаления о сделанном шаге в дневнике абсолютно не просматривается. Как бы подтверждая это, в августе 1895 г. Тихомиров подготовил к переизданию свою брошюру «Почему я перестал быть революционером». Осенью ее «исправленный текст 1888 года» (так значилось в подзаголовке) был напечатан в четырех номерах «Московских ведомостей», в 1896 г. вышел в издательстве Сытина отдельной брошюрой.

Любопытно сравнение двух изданий этого тихомировского сочинения — заграничного 1888 г. и легальных — 1895-го и 1896-го.

* * *

П. Л. Лавров в своем «Письме товарищам в Россию по поводу брошюры Л. А. Тихомирова» высказал «весьма возможное» предположение, что «русское правительство найдет для себя полезным хотя бы негласно позволить ей циркулировать в России, как удобному для себя оружию».⁸⁴ Но Лавров ошибся. Тихомиров в предисловии к изданию 1896 г. объяснил причину несостоявшегося распространения: «Некоторые отдельные места брошюры вызвали недопущение ее продажи в России».⁸⁵

Отмечен лишь один эпизод, когда МВД позаботилось о ее доставке читателям. Этими читателями были народовольцы, отбывавшие каторжные сроки в Шлиссельбургской крепости. В. Н. Фигнер вспоминала: «Не помню точно, но, должно быть, в начале 90-х годов начальство Шлиссельбургской крепости <...> подсунуло нам брошюру

Л. Тихомирова: „Почему я перестал быть революционером”. Хотело ли оно уязвить нас: „Посмотрите на вашего идейного выразителя!”, или преследовало практическую цель: „Не пойдет ли кто из нас по тому же пути?” — не знаю. Быть может, имелось в виду и то, и другое». ⁸⁶

Несколько десятков экземпляров Тихомиров сам разослал по редакциям российских газет и отдельным лицам, но неизвестно, сколько их дошло до адресатов. Тихомиров «даже не предполагал, чтобы она (брошюра. — *В. Г.*), вызвав против меня целую бурю за границей, могла остаться до такой степени неизвестной, как в этом мне пришлось убедиться через 2–3 года». ⁸⁷

В 1895 г. редакция «Московских ведомостей», полагая (очевидно, с подачи МВД), что «объяснение г. Л. Тихомирова, опубликованное за границей в 1888 г.», сейчас «едва ли не более своевременное», предложила ему «ознакомить читателей с высказанными им тогда соображениями». Но имелось в виду, что автором будут сделаны необходимые исправления текста, на что Тихомиров с готовностью согласился: «Само собою разумеется, что я исправляю все места, признанные в 1888 г. неудобными». ⁸⁸

Какие же места в издании 1888 г. оказались «неудобными» для русского правительства и как их изменил Тихомиров? Помимо довольно многочисленной редакционно-стилистической правки в изданиях 1895–1896 гг. (газетном и брошюрой) имеется около сотни смысловых изменений текста. Современные почитатели монархиста Тихомирова переиздали в 1997 г. его брошюру, но только по тексту 1896 г. ⁸⁹ Было бы интересно переиздать текст 1888 г. с подведением всех разночтений с текстом 1896 г. В данной статье приходится ограничиться приведением нескольких типичных примеров.

Текст издания 1888 г. претерпел изменения по двум основным параметрам. Во-первых, были вычеркнуты или изменены места, где Тихомиров еще в чем-то позитивно характеризовал революционеров или признавал масштабность оппозиционности общества.

Так, в издании 1888 г. (привожу уже цитированное выше место) написано: «Революционеры есть, они шевелятся и будут шевелиться, но это не буря, а рябь на поверхности моря... Они способны только рабски повторять примеры... Конечно, это не мешает им быть хорошими людьми, но в политике этого мало (курсив мой. — *В. Г.*)». Выделенное предложение в издании 1896 г. отсутствует. (Здесь и далее см. соответствующие страницы изданий 1888 и 1896 гг. В данном случае — с. 9 и 24).

Критикуя «Народную волю», Тихомиров в 1888 г. писал: «Но просто по справедливости отмечаю, что программа Н. В. была для своего времени большим шагом вперед». В соответствующем месте издания 1896 г. этого крамольного пассажа, конечно, нет (см. с. 11 и 29).

Формулировка «бессилие революции» заменена на «безнадежность революции» (с. 14 и 35). «Революционеръ» (с. 16, изд. 1888 г.) — «бунтовщики» (с. 43, изд. 1896 г.).

В 1888 г. Тихомиров признавал, что «наше революционное движение подчас привлекало настолько выдающиеся силы, что они могли немножко думать и работать при такой противуестественной жизни» (с. 18, изд. 1888 г.). Читатели издания 1896 г. могли прочесть это место только в обезличенном варианте: «Нужны особо выдающиеся силы, чтобы хоть немного думать и работать при такой противуестественной жизни» (с. 46). Тихомиров озабочен судьбой участников волнений студентов — «сотен и тысяч молодых людей» (с. 20, изд. 1888 г.). В издании 1896 г. «тысяч» убрано, зато появились

злостные «подстрекатели» (с. 50). В 1896 г. конкретное указание Тихомирова на то, что «рефлекторные вспышки» студентов вызываются «безобразным поведением <...> администрации» (с. 23, изд. 1888 г.) заменено на безликое — волнения вызываются «чем-нибудь неприятным или ненормальным» (с. 59).

Забываясь о том, как привлечь молодежь на сторону правительства, Тихомиров в 1888 г. считает это невозможным «без упорядочения обстановки студенческой жизни». «Подавляя беспорядки <...>, конечно, следует однако удовлетворить законным потребностям молодости <...> Нужно, чтобы молодежь могла учиться, рассуждать, собираться <...>» (с. 31, изд. 1888 г.). Правительство и местное студенческое начальство всегда опасались студенческих сходок, они были незаконны. Тихомиров покорно убирает в 1896 г. опасное слово «собираться» (с. 80–81). Подобные примеры можно умножить.

Вторым основанием для «недопущения» распространения брошюры Тихомирова в России в 1888 г. явились места, где употребление слов «царь», «самодержец», «император» и т. п. оказывалось в контексте, очевидно, признанном цензурой недопустимым.

«Без сомнения, личная жизнь императора и разных правительственных лиц <...> испорчена постоянным ожиданием покушений» (с. 15, изд. 1888 г.). «Императора» в 1896 г. изъяли (с. 40). Нет никакого права у какой-либо партии «на политические убийства, а тем менее на убийство Верховного правителя страны (курсив мой.— В. Г.)». Выделенное изъято (см. с. 17 и 44).

«Раз человек против царя и толкует о его низвержении — он „свой”» (с. 24–25, изд. 1888 г.). «Раз человек против абсолютизма — он „свой”» (с. 63, изд. 1896.). «Критики самодержавия» заменено на «критики политических основ русского строя» (соответственно с. 27 и 69), «врагов самодержавия» — «врагов нашего строя» (там же) и далее в том же духе.

Выпустив в свет второе, легальное издание своей брошюры, Тихомиров утверждал, что, несмотря на исправление неудобных мест, он не выставляет «себя теперь хоть несколько иным, нежели был», и свои объяснения, почему он перестал быть революционером, воспроизводит «в подлинности».⁹⁰ Можно согласиться с тем, что суть причин отказа от революции сохранена в издании 1896 г., но облик автора на их страницах все же несколько иной — более враждебный к своему прошлому и более приспособленный к своему настоящему.

* * *

В данной статье не ставилась цель проследить весь жизненный и общественный путь Л. А. Тихомирова после 1888 г.; она ограничена временным промежутком между двумя изданиями его брошюры «Почему я перестал быть революционером». Но в процессе занятий в РГИА, несколько лет тому назад мне попались два документа, касающиеся Тихомирова более позднего времени, эпизода, имевшего место в феврале–марте 1908 г. Хотелось бы, что называется, ввести их в научный оборот. К этой дате Тихомиров приобрел в глазах властей неоспоримые заслуги на поприще идеологического и исторического обоснования самодержавия в России, за что, по представлению П. А. Столыпина, заслуживал быть отмеченным самодержцем Николаем II.

21 февраля 1908 г. во «всеподданнейшем докладе» П. А. Столыпин дал следующую характеристику Л. А. Тихомирову.

«Литературная и публицистическая деятельность потомственного дворянина Льва Александровича Тихомирова, в течение последних 20 лет сотрудничающего в различных

петербургских и московских изданиях умеренного направления («Новом времени», «Московских ведомостях», «Свете», «Русском обозрении» и других) обращает на себя особое внимание. Обладая широким образованием и выдающимся литературным талантом, Тихомиров в своих историко-политических исследованиях выясняет с неопровержимой доказательностью особые условия развития русской государственности и возникновения и укрепления Верховной Царской власти. Значительное влияние на разработку русского политического идеала, выразителем которого является Царь, оказало, по мнению Тихомирова, присущее русскому народу глубокое религиозное чувство, этическое начало и особенности его социального быта. Идеал этот, которому Россия всегда оставалась верной и который помогал русскому народу с честью выходить из всех тяжелых испытаний <...> долгое время не находил для себя вполне определенного и ясного истолкования с исторической и научной точки зрения.

Тихомиров всю силу своего таланта направил на <...> научное обоснование русской государственности: заслуги его в этом отношении имеют несомненное значение.

Эти редкие способности и литературное дарование Тихомирова, в связи с приобретенным им опытом в вопросах публицистических, особенно могут быть полезны в занятиях Совета Главного Управления по делам печати и потому я признавал бы в интересах службы, необходимым назначить его Членом названного Совета.

Вследствие этого, всеподданнейшим долгом поставляю испрашивать Всемилощивейшее соизволение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в назначение, в изъятие из закона, причисленного к Министерству внутренних дел, потомственного дворянина Тихомирова Членом Совета Главного Управления по делам печати, сверх штата, и на производство его, вне правил, — во внимание к свыше двадцатилетней литературной и публицистической деятельности его, направленной к честному и беззаветному служению Престолу и Отечеству и в соответствие с должностью Члена Совета, положенной по штатам в IV классе, — в статские советники <...>

Министр Внутренних Дел Статс-Секретарь Столыпин

21 февраля 1908 г.

Собственною Его Величества рукою начертано: «С» (согласен) 22 февраля 1908 г. в Царском Селе Министр Внутренних Дел Столыпин».⁹¹

В 1891 г. Тихомирову посчастливилось быть в толпе москвичей, приветствовавших посетившего «первопрестольную» Александра III. Восторженная запись об этом в дневнике 17 мая: «Приехал государь. Я был на встрече и прекрасно, — очень близко видел. Толпы, „ура“. Очень хорошо. Вечером с детьми на иллюминации».⁹²

Через 17 лет верноподданный Лев Александрович Тихомиров удостоился личной аудиенции у сына Александра III, что явствует из всеподданнейшего доклада П. А. Столыпина от 17 марта 1908 г.:

«Член Совета Главного Управления по делам печати, сверх штата, Статский Советник Тихомиров, по случаю назначения на настоящую должность, испрашивает ВСЕМИЛОЩИВЕЙШЕЕ разрешение иметь счастье представиться ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ».

«Собственною Его Величества рукою начертано «С» (согласен). В Царском Селе 18 марта 1908 г. Статс-Секретарь Столыпин».⁹³

Как известно, после этого, в январе 1909 г. Тихомирову было доверено редактирование «Московских ведомостей»; в этой должности он проработал до конца 1913 г.

По словам современного издателя философско-религиозных и монархических сочинений Тихомирова М. Б. Смолина, после смерти Столыпина «в правительственных кругах Л. А. Тихомировым более никто не интересовался».⁹⁴ Для Тихомирова руководство «Московскими ведомостями» стало, таким образом, вершиной его служебной карьеры. Но это ли было пределом его «мечтаний» в 1888 г.?

Тот же М. Б. Смолин в предисловии к другому переизданию трудов Тихомирова опровергает мнение его бывших товарищей по «Народной воле» и советских историков, которые называют Тихомирова ренегатом и объясняют его поступок трудностями жизни во Франции, расстройством психики, а также «низменными желаниями» — соблазном «занять в правительственном лагере место умершего М. Н. Каткова». «Искренность его новых убеждений, — пишет М. Б. Смолин, — легко проследить по его дневнику и воспоминаниям».⁹⁵

Внимательное прочтение дневника Л. А. Тихомирова не оставляет сомнений в искренности его служения самодержавию. Но кое в чем Лев Александрович, думается, лукавит.

В предисловии к брошюре издания 1888 г. Тихомиров заявляет о скромности своих планов на будущее. «Покидая революционный путь — чем я остаюсь? По своим желаниям, стремлениям — я обыкновенный, скромный работник мирного прогресса».⁹⁶ Так ли это?

Выше говорилось, что Тихомиров, еще будучи формально революционером, имел намерение преобразовать «Народную волю» из революционно-террористической организации в мирное легальное широкое общественное движение.⁹⁷ Подразумевалось, что во главе этого движения будет стоять он, Лев Тихомиров. Ранее в дневнике он пишет об этом более откровенно: «Мне нужно создать партию серьезную, которая могла бы сделаться силой в стране, партию правящую». «Я не могу отказаться от желания серьезно, глубоко влиять на жизнь».⁹⁸ Закончив свою брошюру, но еще не издав ее, Тихомиров в отчаянии записывает 12 июля 1888 г.: «Я уже почти не имею времени что-нибудь сделать, мне уже — страшно сказать — тридцать шесть лет <...> И сгинуть в бессмысленном изгнании <...>».⁹⁹

Прошло около двух лет. Тихомиров в России, но под надзором. Время меж тем течет неумолимо: «<...> Мне 38 лет <...> неужто все мечты, все иллюзии, всё перст, всё плен, всё осень <...>» (запись 28 марта 1889 г.).¹⁰⁰ Это ли скромные желания скромного работника мирного прогресса? Тихомиров уговаривает сам себя смириться с положением одного из сотрудников «Московских ведомостей», куда он только что устроился на постоянную работу, пытается усмирить свою гордыню. «Иногда у меня ни на чем не основанное „возмечтание“ о себе, но Бог живо показывает мне грехи мои <...> Теперь у меня задача, которую я бы должен был исполнить, — она состоит не в том, чтобы что-нибудь сделать крупное, а в том, чтобы остаться маленьким, ничего крупного не делающим, а только исполняющим маленький ежедневный долг. Ужасно трудно это. Воспитался на стремлении к грандиозному». К 1892 г. он почти справился с «возмечтаниями»: «В прежние годы я все не мог отрешиться от мысли, что должен что-то такое сделать. Теперь у меня почти исчезла мысль эта <...>».¹⁰¹ Но не такто просто отогнать от себя мечтания, время от времени они возвращаются. 16 июля 1892 г.: «Перелистал кое-какие страницы своего дневника за прошлые годы. Презамечательная дрянь я был всегда, и с тем остаюсь. Малодушие и мечтания о себе — вот два постоянные качества».¹⁰²

Выше приводились примеры изменений в тексте брошюры «Почему я перестал быть революционером», охотно сделанные Тихомировым по предложению цензуры. Но есть одно место в первом издании брошюры, где явно видна самоцензура автора, и это место наводит на размышления. В издании 1888 г. Тихомиров цитирует свою дневниковую запись от 8 марта 1886 г.: «В моих глазах уже более года несомненно, что отныне нужно всего ждать от России, от русского народа, почти ничего не ожидая от революционеров» — и на этом месте обрывает цитату. А в дневнике примечательное продолжение: «...по крайней мере на долгое, неопределенное время».¹⁰³ Возникает вопрос: а перестал бы Тихомиров быть революционером, если бы «Народная воля» оставалась в силе, и можно было бы рассчитывать на захват ею власти в ближайшее время?

Но это было нереально, и Тихомиров ищет другой путь: «Мне кажется, что я так мог бы еще многое сделать, если бы был легальным <...>», — записывает он 12 июня 1888 г. только что закончив свое объяснение, почему он перестал быть революционером.¹⁰⁴

* * *

Представляется, что к Л. А. Тихомирову не следует относиться однозначно: ренегат или прозревший, одумавшийся революционер. Возможно, он по-своему искал путь прогресса для России — сначала революционный, потом мирный. Оба ему не удалось, но только ли его в этом вина? Однако самолюбие ему явно было не чуждо.

Мирный эволюционный путь для России искал не только Тихомиров. Были в России не только революционные, но и легальные народники. Они пытались провести некоторые реформы при самодержавии, и сегодня многие историки и публицисты их не осуждают. Правда, они в отличие от Тихомирова были все же в разной степени, но оппозиционны по отношению к самодержавной власти. В начале XX в. пробовала легализоваться неонародническая партия народных социалистов — не получилось. Российское самодержавие ни разу не призвало к власти ни одну из партий мирного прогресса, появившихся в России в начале XX в. России пришлось пережить три революции. Но какова была их роль в прогрессе страны? И всегда ли революционеры правильно определяют «истинные» интересы народа, им самим неосознанные?

Более десяти лет я читаю спецкурс по истории народничества в одном провинциальном университете и на семинарах вместе со студентами IV курса исторического факультета сопоставляю обе брошюры 1888 г. — Л. А. Тихомирова и П. Л. Лаврова. Спрашиваю: почему Тихомиров отказался от революции, а Лавров остался революционером, кто из них прав? Обсуждение обычно получается неоднозначным, мнения разделяются. Была ли возможна в России второй половины XIX в. мирная реформаторская деятельность по инициативе общественных сил? Большинство склоняется к тому, что «невозможна». И все же они как-то нелогично отдают предпочтение эволюции. По-видимому, на их мнение влияет реальный исторический опыт страны. Тем более для почти всех неприемлем террор, даже в народовольческой форме в условиях царившего в стране полицейского режима. Только немногие оправдали бы, доведись им быть приносящими, историческую и современную Веру Засулич.¹⁰⁵ Радоваться этому или огорчаться? Проблема, открытая для обсуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексей Николаевич Цамутали известен не только своими трудами по историографии; у него есть интересные работы по истории русской общественной мысли и российского революционного движения. Поэтому мне кажется логичным дать в сборник, посвященный юбилюру, статью, которая своей тематикой, возможно, освежит в его памяти то время (конец 80-х гг. прошлого века), когда мы вместе готовили к печати сборник воспоминаний народолюбцев и чернопередельцев. У меня об этом остались положительные воспоминания.

² *Тихомиров Л.* Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 8–9.

³ Там же. С. 9.

⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 188–189.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Там же. С. 188, 189, 193, 196.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 214, 215.

⁹ Там же. С. 219.

¹⁰ Там же. С. 219.

¹¹ Там же. С. 221–222.

¹² Там же. С. 223, 225, 229.

¹³ *Тихомиров Л.* Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 8, 12.

¹⁵ Там же. С. 13, 22.

¹⁶ Там же. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 12, 13, 14, 18, 24, 25.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Там же. С. 30.

²² Там же. С. 31. В 1896 г. в примечаниях к этому месту во втором издании своей брошюры Л. А. Тихомиров с удовлетворением отметил, по-видимому подразумевая корректировку реформы 1864 г. в 1890 г.: «Как известно, на этот путь и вступило правительство» (*Тихомиров Л.* Почему я перестал быть революционером. М., 1896. С. 82).

²³ *Тихомиров Л.* Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 25.

²⁴ Там же. С. 16, 25, 26, 31.

²⁵ Там же. С. 13, 31.

²⁶ Там же. С. 27.

²⁷ Там же. С. 27, 28, 29.

²⁸ Там же. С. 11–13.

²⁹ Там же. С. 19–24, 30.

³⁰ Там же. С. 31–32.

³¹ Там же. С. 32.

³² Воспоминания Льва Тихомирова. С. 238, 254.

³³ *Лавров П. Л.* Письмо товарищам в Россию по поводу письма Л. А. Тихомирова. Париж, 1888. С. 5, 7, 8.

³⁴ Там же. С. 11–13.

³⁵ Там же. С. 16, 17, 22.

³⁶ Там же. С. 23–24. П. Л. Лавров, со своей стороны, не дал оценки правлению Александра II. Можно лишь предположить, что расуждения Лаврова о несоместимости права и самовластья относятся и к этому самодержцу. Во всяком случае в 1873 г. в журнале «Вперед» Лавров писал: «Мы зовем к себе, зовем с собою всякого, кто с нами сознает, что императорское правительство — враг народа русского, что настоящий общественный строй — гибелен для России». Лавров требовал «господства народа, настоящего народа <...> Это господство может быть достигнуто только народным восстанием» (Революционное народничество семидесятых годов XIX в. М., 1964. Т. 1. С. 19).

³⁷ Письмо товарищам в Россию... С. 21.

³⁸ Там же. С. 17, 20, 21, 26.

³⁹ Там же. С. 10–11.

⁴⁰ Там же. С. 9, 25, 26.

⁴¹ Там же. С. 26–27.

⁴² Там же. С. 30–32.

⁴³ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 230–231.

⁴⁴ Там же. С. 231–234.

⁴⁵ Там же. С. 242–243.

⁴⁶ *Фигнер В.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 5. С. 283.

⁴⁷ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 242–243.

⁴⁸ Научно-исторический архив СПБ ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 151. Подробнее см.: *Гинев В. Н.* С. Н. Валк и народолюбцы // Историко-графический сборник. Саратов, 1980. Вып. 8.

⁴⁹ *Фигнер В.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 283.

⁵⁰ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 8; Лавров П. Л. Письмо товарищам в Россию... С. 27.

⁵¹ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 244–245.

⁵² Там же. С. 261. 31 марта Тихомиров отнес «опровержение» в «Liberté» и «Cosmopolite». Нам не известно, было ли оно напечатано.

⁵³ Там же. С. 245.

⁵⁴ Исполнительный комитет — Александру III // Революционное народничество семидесятых годов XIX в. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 191–195.

⁵⁵ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 14–16.

⁵⁶ Там же. С. 14.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 180.

⁵⁸ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 16–17.

⁵⁹ Фигнер В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 250–255; Желябов А. И. Речь на суде // Революционное народничество семидесятых годов XIX в. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 255–258.

⁶⁰ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 11.

⁶¹ Лавров П. Л. Письмо товарищам в Россию... С. 28.

⁶² Там же. С. 18. Подробнее об этом см.: Гинев В. Н. Об одном неизданном сборнике документов о «Народной воле» // Освободительное движение в России. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 150–151.

⁶³ Лавров П. Л. Письмо товарищам в Россию... С. 18.

⁶⁴ Волк С. С. Народная воля. М.; Л., 1966. С. 243.

⁶⁵ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 259. Дневниковая запись 24 октября 1888 г.

⁶⁶ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 11.

⁶⁷ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 194.

⁶⁸ Там же. С. 225, 254, 256–259, 261, 262.

⁶⁹ Там же. С. 263–265.

⁷⁰ Там же. С. 343–345.

⁷¹ Там же. С. 345–346.

⁷² Московские ведомости. 1889. № 76. 18 марта.

⁷³ Там же. № 74, 76. 16, 18 марта

⁷⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 348–349.

⁷⁵ Там же. С. 356–357.

⁷⁶ Там же. С. 370–372.

⁷⁷ Там же. С. 373.

⁷⁸ Там же. С. 375–376, 381.

⁷⁹ Тихомиров Л. Критика демократии. М., 1997. С. 79, 107.

⁸⁰ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 386.

⁸¹ Там же. С. 386–389.

⁸² Там же. С. 391, 392, 396, 399.

⁸³ Там же. С. 411, 417, 431, 434.

⁸⁴ Лавров П. Л. Письмо товарищам в Россию... С. 8.

⁸⁵ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером. М., 1896. С. 3.

⁸⁶ Фигнер В. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 282.

⁸⁷ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером. М., 1896. С. 4.

⁸⁸ Там же. С. 4–5.

⁸⁹ См.: Тихомиров Л. Критика демократии. С. 23–67.

⁹⁰ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером. М., 1896. Предисловие. С. 5, 16.

⁹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Ед. хр. 125. Л. 78 об., 79.

⁹² Воспоминания Льва Тихомирова. С. 394.

⁹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Ед. хр. 125. Л. 109.

⁹⁴ Смолин М. Б. Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 9 (предисловие).

⁹⁵ Смолин М. Б. О демократии и критике ее Львом Тихомировым // Тихомиров Л. Критика демократии. С. 9–10 (предисловие).

⁹⁶ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. VI.

⁹⁷ Там же. С. 12.

⁹⁸ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 200. Запись 23 сентября 1887 г.

⁹⁹ Там же. С. 224.

¹⁰⁰ Там же. С. 349.

¹⁰¹ Там же. С. 390, 399. Записи 13 апреля 1891 г. и 1 января 1892 г.

¹⁰² Там же. С. 404.

¹⁰³ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. Париж, [1888]. С. 10; Воспоминания Льва Тихомирова. С. 189. Кстати, на указанном месте обрывает цитату и современный

издатель монархического Тихомирова М. Б. Смолен.

¹⁰⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 224.

¹⁰⁵ См. подробнее: *Гинев В. Н.* Оправдали бы современные студенты Веру Засулич // История глазами историков. СПб., 2002.

А. В. Гоголевский

КАДЕТЫ В ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

«Партия народной свободы» возлагала особые надежды на первое народное представительство, намереваясь законодательным путем осуществить собственную политическую программу, предполагавшую широкие реформы, способные обеспечить эволюционное преобразование самодержавной власти в конституционно-правовое государство. Еще в 1902 г. журнал «Освобождение» исходил из того, что наиболее целесообразной тактикой в борьбе с самодержавием было бы добиваться от властей проведения свободных выборов в законодательное однопалатное народное представительство с правом контроля над исполнительной властью. Первый Всероссийский земский съезд в ноябре 1904 г. высказался за безусловную замену самодержавия представительным строем, опирающимся на законодательную Государственную думу.

Требование созыва законодательного народного представительства путем всеобщих выборов стало главным политическим лозунгом либерального демократического движения в 1905 г., под которым сплотилась вся оппозиционная самодержавию Россия, включая социалистов и социал-демократов. Именно отказ властей от созыва законодательной думы, ставший очевидным после Манифеста 6 августа, побудил оппозицию организовать октябрьскую политическую стачку, вырвавшую из рук императора Манифест 17 октября.

Первый съезд кадетов, состоявшийся одновременно с выходом Манифеста 17 октября, определенно высказался в пользу парламентской тактики партии в противостоянии с самодержавием. Руководство партии вполне понимало решающее значение для судьбы страны исхода выборов в Первую Государственную думу и определение ее компетенции. Как верно заметил при встрече с С. Ю. Витте В. М. Гессен, именно вопрос о компетенции Первой Государственной думы должен был решить судьбу революции и самодержавной власти в целом.¹

Между тем едва только были объявлены выборы в Первую думу, на пути парламентской тактики кадетов возникли серьезные препятствия. Партийная программа исходила из безусловной необходимости всеобщих равных выборов с тайной подачей голов. Однако избирательный закон 11 декабря 1905 г. устанавливал цензовые выборы по четырем куриям. Низы партии, вкусившие плоды побед в ходе октябрьской стачки, в отличие от верхов не хотели принимать участия в цензовых выборах, предпочитая им революционный натиск на власть в союзе с социалистами. У них была своя логика. Согласно ей цензовая дума, во-первых, не могла полноценно отражать интересы всех слоев населения России, во-вторых, через нее было бы невозможно законодательным путем осуществлять партийную программу. И наконец, в-третьих, в программе кадетов